

ДМИТРИЙ ПЭН

ПУТИ-ДОРОГИ

О ДЕСЯТОМ ВЫПУСКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО АЛЬМАНАХА СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ «ПАРОВОЗЬ»

СЕКРЕТЫ ПАРОВОЗНОЙ МЕХАНИКИ

Бежит в просторах российской словесности паровоз, ведёт за собой составы. Первый – 2013-го года. Второй – 2014-го. ... Девятый – 2019-го. Вот и 10-й... 2020-го. Встречают его читатели весной 2021-го. В десятом составе всего восемь вагончиков. Первый - с табличкой «Москва - Тверь». Следующие два «Воронеж - Орёл» и «Волгоград – Элиста - Астрахань». Затем два кавказских «Черкесск – Нальчик – Магас - Владикавказ» и «Грозный - Махачкала». Затем «Специальный» и «Вагон-ресторан». Замыкает череду вагончиков «Международный». Меняются география, административные границы, а с ними и составы. Крымские пассажиры уже не в международном вагоне. Теперь поэтам Крыма отведён «Специальный», который в 2013-ом занимали участники симпозиума «Волошинский сентябрь». Меняются и пассажиры, но можно повстречать среди них и прежних знакомцев. Так, воронежец Валентин Нервин из ресторана пересел теперь на одно из мест второго вагона, но и здесь достоин внимания. Здесь поэту даже просторнее – масштабы лирики расширились до планетарно-космических. Приятно, что команда паровозика прежняя: **главный редактор Светлана Василенко, рядовые редакторы и составители Владимир Мисюк, Виктор Стрелец, Валентина Кизило. Оформители-дизайнеры Екатерина Арт (Омельченко) и Павел Маркин (Ёж).** В составлении и редактировании выпуска участвовали **Миясат Муслимова и Сулиман Мусаев.** Давно путешествуют наши писатели по городам и весям в реальности. В одном из новейших альманахов Союза российских писателей «Обретение пространств» лидер отечественной критики Павел Басинский живописал такое путешествие. О путешествующих писателях и пишущих путешественниках можно специальные истории русской словесности писать. Что и говорить о персонажах-путешественниках. Теперь редакторы и составы водят с паровозами. Считала же одна из чеховских трёх сестёр Ирина, что «хорошо быть» быть, к примеру, «машинистом на железной дороге». Даже врачу об том в тоске провинциальной поведала. Вот и прописал добрый писатель Чехов Антон Павлович россиянам и россиянкам паровозы.

Паровоз в просторах российской словесности – метафора. В реальности есть альманах «Паровозь» и беспокойное племя писателей, которое кропотливо собирает драгоценные впечатления жизни и делится с читателями бесценным опытом.

Есть в альманахе авторы именитые, есть и совсем молодые, но даровитые. Места занимаемые – сообразны страницам. Вагончики однотипные, без деления

на верхи чердачные и низы подвальные. Главное в замысле – это откровение душ, которое каждый читатель по своему путевому опыту знает. Кому повезёт, тот может и несколько раз в одном альманахе время от времени оказаться и даже расположиться в вагоне-ресторане со значительной композицией своих стихотворений. Издаётся Союзом российских писателей и дорожная библиотечка «Паровоза». Краткие же биографические сведения, миниатюрные фотографические портреты делают издание настоящим справочником современной российской поэзии, живой литературной историей. Перелистаем странички этой истории, проживём прошедший поэтический год задушевных поэтических встреч. Порадуемся давним знакомым. Уделим особое внимание – Крыму и Кавказу – самым актуальным, «горячим» поэтическим краям современной географии культуры. Кстати, в кулуарах литературных выпуск получил название **крымско-кавказского**. На страницах десятого выпуска альманаха читателей встретит настоящий дружелюбный и миролюбивый клуб поэтов Республики Крым и Республик Северного Кавказа: Дагестана, Чечни, Ингушетии, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании. Клуб писателей Кавказа давно известен в литературном мире, он реален и без эпитета «настоящий». Под покровительством парнасских муз Махачкалы ещё в 2019-ом году успешно стартовал Первый международный литературный конкурс имени выдающегося балкарского поэта САЛИХА ГУРТУЕВА. Лауреатами престижной премии стали Зураб Бемурзов из Карачаево-Черкессии (Первая премия), Елена Фролова из Москвы (Вторая премия), Ефросиния Капустина из Санкт-Петербурга (Третья премия). Организатором премии наравне с Союзом российских писателей, Дагестанским республиканским отделением Союза российских писателей, Министерством культуры Республики Дагестан, Министерством национальных отношений Республики Дагестан стал Клуб писателей Кавказа.

Литературный аттракцион, предлагаемый читателям командой «Паровоза», предоставляет авторам от четырёх страничек занимаемого места и от шести страничек ресторана счастливцу-везунчику, а каждому «чтецу» полную свободу обозрения. «Паровозъ» - это вам, дорогие мои, читатели, любезные мои собеседники, не игрушки, а полезная во всех смыслах современная литература на её путях-дорогах. Города выросли в мегаполисы, а кое-где за пределами России и в страны настоящие. Миновали времена шарманщиков, омнибусов. Только кое-где на ретро-страницах редкостных изданий покажется на миг-другой, мелькнёт ретро-дилижанс. Сейчас уж и паровозики с дымом из трубы, паром из котла – настоящее ретро. И защемит сердце у какого-нибудь давнего зрителя спектаклей по одной из чеховских пьес, когда перелистает он странички плотного белого офсета с силуэтом паровозика на верхних колонтитулах. Разве не из чеховской драматургии добегают до наших времён эти зовущие в иную жизнь, напоминающие об иных временах эти блестящие глянцем продолговатые томики. Впрочем, иная жизнь бывает разной.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Приятная встреча ожидает нас на месте (читай странице) 36. Нет, в прежних выпусках мы не встречались, но в библиографии «Дорожной библиотеки альманаха-навигатора «Паровоз» на странице 398 название книги Виктории Полищук «Пять минут до рассвета». Название под номером библиографии улыбается 32-ым порядковым числом, а в первом вагоне и сама Виктория встречает белозубой улыбкой. Жизнерадостная брюнетка! Клипсы тёмненькие под очками. И верхняя пуговка тёмненькая на кофточке слегка, так сказать, не возражает категорически против возможных разговоров. Мы где-то встречались. Да, разумеется здесь же, сразу после «Содержания», в библиографии. Эх! Ещё бы чуть-чуть и в замыкающем «Содержание» вагоне «Международный» повстречаться. Давненько не бывал я в международных вагонах. Ох, и давненько. Соредатор международного альманаха «ДИАЛОГ», живописец с девятью столичными выставками такие вот теперь литературные незнакомцы. Почему незнакомцы? Мы уже знакомы. И достаточно широко знакомы. Диалог с первого слова начинается. А дальше поэма на четыре страницы. Поэма из четырнадцати строф неравных. Такой вот эксперимент обретения жёсткой сонетной формой гибкости в извивах стальных магистралей, под стук вагонных колёс... Жёсткий эксперимент. Лирическая героиня, видимо, не только филологию изучала, а уж добрая священная корова-кормилица МГУ что-что, а ароматы экзистенциализма от сыра из рук самого Жана Поля Сартра вкушала. Ещё повстречаемся в этом не худшем из миров и в метафорах его и калейдоскопах. Расстаёмся с героиней на последней строфе раздумий: «Черта предельная, мечта заветная - \ \ Узор таинственный иных миров. \ \ Задача сложная, задача грешная - \ \ уйти в забвение, без лишних слов».

Новый вагон, а в нём и новый давний знакомый. С 75-й по 80-ю страницу загрузил Валентин Нервин. Это к нему торопился в вагон-ресторан состава 2013-го года обозреватель-рецензент из «Литературной учёбы» номера первого за 2014-ый год. О, время! Надо поспевать за тобой! Тихоходные альманахи теперь быстрее журналов. Что же, бегают колёса по рельсам путевым быстро, можно позавидовать. С 226-й по 236-ю страницу рецензия-то, немаленькая, верстовая. Почтила, почтила «Литературная учёба» железнодорожное начинание Светланы Василенко. Повезло тогда и скромному книгоноше-рецензенту. Тогда торопился-торопился рецензент, да... Не будем портить интригу, может перечесть, любезные читатели и давнюю рецензию, всё-таки учебная, назидательная...

Валентин Нервин – лауреат многих литературных премий, уж такой литературной персоне грустить не гоже. Впрочем, чувство юмора и в предчувствиях апокалипсисов поэту не изменяет, а значит, даже апокалипсисы вполне могут отправиться в зал ожидания. Времени у них предостаточно. Это у нас грешных времени нет. Вот и начинает сюитное четверостишие композицию Валентина Нервина эпохальной усмешкой мудреца: «На самой прикольной из прочих планет, \ \ которые по ветру носит, \ \ безвременье длится две тысячи лет, \ \ безверье две тысячи вёсен.»

Что сказать тут в ответ. Не всё потеряно у человечества, если не потеряно главное – чувство юмора. И не теряйте время, господа, в межзвёздной пыли космолётов, а торопитесь занять места в «Поезде». Машину времён и пространств, надёжную и комфортабельную, сработали в Союзе российских писателей, а запустили в виде альманаха с командой Светланы Василенко. Торопитесь, торопитесь.

Словно предвидя мою рефлексю, другой давний знакомец в тон даёт реплику из первых строк своей композиции: «Не торопись, журавль седой, \\\\ Направить прочь крыла. \\\\ Ведь эта степь тебе бедой \\\\ И радостью была.». Это из «Седого журавля» патриарха поэтов и прозаиков Калмыкии Эрдни Антоновича Эльдышева, лауреата многих престижных литературных конкурсов. Место 149 (читай страница) настраивает на такой вот эпический, но грустноватый лад. Но печаль и грусть развеиваются. Проверенные временем ценности от здорового чёрного юмора уводят в оптимистические дали, тем и схожи с черным юмором, схожи своим философским оптимизмом, но не скрытым, а откровенно декларируемым. «Стихи, ещё не сложенные мной, \\\\ Уже звучат и крылья направляют». Этим аккордом завершает композицию 152-я страница, унося нас на крыльях вдохновенья и фантазии...

Вот мы и в четвёртом вагоне, в пятом, в шестом... Словно цифры вёрст на табличках путевых столбиков, промелькнули номера страничек со 153-ей по 330-ю. Разговоры крымские и кавказские, увлекут, закружат каруселями воспоминаний и ассоциаций...

ДОРОЖНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Э, да где это мы? На крыльях вдохновенья в замыкающий вагон влетели. Две поэтессы из международного вагона напоминают нам о горестях и бедах Кавказа. Обе из Степанакерта, чья родина многострадальный Карабах. Затерялась в собственных мечтах Алине Григорян, у которой нежность и любовь ведут дуэль. Волнуясь, не знает, с чего начать свой лирический Эмма Огольцова, которой «лишь иногда под вечер» слово доброты и нежности шепнёт, словно из прошлого, ветер. Это слово доброты и нежности: «Человечек». Волнение, стоуновы муки и радости творчества затерянных и теряющих слова душ, душ, каждая из которых «вовек не будет знать покоя», но будет обретать силы для мечты и возвышенного поэтического вдохновенья, переносят нас силой поэтического воображения в четвёртый и пятый вагоны. Закавказье. Не в этих ли краях мятежный дух Михаила Юрьевича скитается по сию пору? Да, здесь бывал и ваш, любезные читатели, друг, рецензент-обозреватель «паровозный». Многие из тех, кому дорого русское слово, бывали в этих краях. Края борьбы, скорбей, но и любви, вдохновения, высоких искусств, такие края впечатляют на десятилетия. Здесь рождалась, родится и будет рождаться гармония. В этом настроении и оставим странички вагона «Международный», на которых волею воображения и повстречали мы поэтесс из Степанакерта в их всемирных странствиях. Вернёмся туда, куда и собирались поначалу, в разделы вагонов четвёртого, пятого и шестого.

В вагоне номер четыре «Черкесск – Нальчик – Магас – Владикавказ» ждут нас поэты Билял Аппаев, Ибрагим Ваделов, Валентина Грищенко-Кокоева, Салих Гуртуев, Раиса Дидигова, Чермен Дудаев, Артур Кенчешаов, Виталий Колиев, Наталья Куличенко, Марина Мазуренко, Мурандин Ольмезов, Станислав Харин, Энвер Хохоев, Дарья Шомахова.

От печали и скорбей после похорон ветерана, тревоги раздумий в бессоннице к чувству поздней, но любви приводит своего лирического героя Билял Аппаев. Любовь и свобода возобладают в по-юношески пылких, но преисполненных мудростью раздумьях у Ибрагима Ваделова. Классику осетинской литературы Коста Хетагурову посвятит строки восхищения и признательности Валентина Грищенко-Кокоева, дающая своим читателям один-единственный, но верный завет: «Не делай людям зла!» Поэзия, ты дитя любви, добра и света. Вот отравной тезис этики и эстетики Салиха Гуртуева. Чутко вслушивается мудрый поэт Салих Гуртуев и в биение сердца земли, и в дыханье бескрайнего моря племён. Полно жизни, исполнено талантом родное слово, питаемое духовной твердью собственных корней у Раисы Дидиговой. Преисполнены подлинного, искреннего чувства стихи Чермена Дудаева (Дудати). Доверительно открывает свое сердце любви и мудрости лирический герой Артура Кенчешалова. И это сердце он уподобит старинному гостеприимному дому горца. А вот сердце собеседника Виталий Колиев уподобит чистому кладезю. Живые и животворные стихи этого поэта несут в своей графической основе чёткую и ясную графику жанровой живописи. Соединенье здорового национального духа горцев с искущённостью живописца у самого Виталия Колиева делает для него привлекательным испанский образ незабвенного Федерико Гарсиа Лорки. А вот Наталью Куличенко (Скобенко) вдохновляет пушкинский образ. Мазуренко Марина (Веда Вереск) ищет свои поэтические пути в переплетении троп сюрреализма и экспрессионизма. И в этих переплетениях тоже рождается подлинная поэзия. Мурандин Ольмезов из Нальчика соединяет метафорические этюды изысканного ума с жёстким натурализмом зеркал. Это тоже эстетические поиски современной поэзии. И они тоже плодотворны. Полон сочувствия взгляд лирического героя Станислава Харина. Под этим взглядом «невысокое дерево алычи» так и остаётся в сердце читателя «у старого кирпичного забора», продолжает жить, цвести, даже если и было расстреляно лучами восходящего солнца. И «оживает весной всё вокруг» в стихах Энвера Хохоева. И этому оживлению не можешь не поверить читательским сердцем. Сюрреалистически плакатная образность своим шершавым языком лизнёт, утешит в печалях треснувшую от улыбки губу в стихах в стихах Дарьи Шомаховой из Нальчика. Так прочитывается этот раздел альманаха в 21-ом году 21-го века...

В вагоне номер пять «Грозный – Махачкала» встречают нас поэты Нажават Абуева, Григорий Адаров, Адам Ахматукаев, Эльмира Ашурбекова, Хожбауди Борхаджиев, Заур Канаев, Елена Говерт, Фатима Дадаева, Зейнаб Дербенди, Ваха Докаев, Ваха Исаев, Абу Исмаилов, Майсарат Магомедова, Роза Межиева, Миясат Мусаимова, Абдула Сулейманов, Роза Талхигова, Фэхэддин Гэрибсэс, Инга Хаяури, Шарип Цуруев.

Лирическая героиня Нажават Абуевой (Жанны Надыровой) погружена в свой мир снов, поэтических мыслей и воспоминаний. Настроения восторжествуют прельстительно осенние. Душе поэта не прикажешь, не закажешь настроений. Поэты, как скажет Нажават Абуева, «пророки», они над суетой сует. А вот лирический герой Адарова Григория «как беглый раб среди удач» и судьба здесь «небесный журналист». Романтическая двойственность будет характерна и для мира Адама Ахматукаева. Не в одиночестве ли корень романтики для многих? Об этом задумываешься, когда переходишь к стихам Эльмиры Ашурбековой. Романтическая характерность – мотив самой кавказской природы, могучих в своей стремительности крутых речушек, самой природы горцев. Это словно подсказывает читателю лирическая композиция «Кавказские мотивы» Ходжабауди Борхаджиева. Ах, из этнических, национальных мотивов талантливых не одна симфония содружества народов может быть сплетена! Может, и родится симфония именно в горах Кавказа! А вот Заур Ганаев! Поэт глубоко очарован всечеловеческим гуманизмом Уолта Уитмена, и это чувство нельзя не разделить. Да, мы привыкли к лермонтовской романтике Кавказа, но романтика не только из восточных поэм Байрона проистекает, так что специфика её развития по новым всемирным путям-дорогам в современной отечественной поэзии закономерна и естественна, творчески плодотворна для литературы. К мелодиям женской лирики возвращает нас героиня Елены Говерт. Здесь «осень заглядывает в дверь». И с этим взглядом что-то задушевно чарующее пленяет, уводя от Гомера к теням Агаты Кристи и Беллы Ахмадулиной, плюшевому мишке, миндальным дождям... А Патимат Дадаева (творческий псевдоним Фатима Дадаева) и Зейнаб Ибрагимхалилова (Зейнаб Дербендли) возвращают в мир традиционных ценностей дагестанской поэзии знакомой российскому читателю благодаря Расулу Гамзатову. В эпоху НТР и НТП стремительно унесёт нас «от томика грустных стихов» муза Ваха Вахаева, деларирующего в финале своей лирической композиции: «Сердце моё коллаيدر». Но есть в этом сердце место и томику грустных стихов. «На весёлый лирический лад» настроил свою гитару Ваха Исаев, признаваясь с грустью, что костёр уж давно угасает. Но «поманит родная сторонка», «возвращая к священным истокам» и всколыхнёт историческую память. Сплетет мелодия мажорные звуки и печальные мотивы. И рождается философской мудростью осени новые грёзы и снова блеск озаряет очи. Такова от ностальгической горечи к сладости радостных провидений будущего динамика предлагаемой композиции. А затем вдруг услышишь: «развалинами родного города», «могильной тишиной» звенит «жуткий стих», но сколько силы, веры, напряжения могучего, преодолевающего всё и вся оптимизма чувствуется в самом синтаксисе, в самих интонациях лаконичного обращения финальной строки: «...О. Город, мой...» Это лирические итоги предчувствий лирического героя Абу Исмаилова из Грозного. А вот лирическая героиня Майсарат Магомедова из Буйнакса с детской непосредственностью накупила лотерейных билетов и размечталась... Всё-таки чувство юмора, да ещё помноженное на талант рассказчика, скрасит самую печальную дорогу жизни, даже ту, на путях которой есть не комната смеха, а «комната слёз». Даже у пропасти на краю. Мрак дохнёт леденяще от крутой строки, но потеплеет и смягчится, когда лирическая героиня Розы Межиевой раскроет тайну лирической географии женской поэзии, ведь для женской героини самый страшный край – это край

разбитого сердца. Образы Кассандры и Таис Афинской уведут нас от реальных бездн мгновений «здесь и теперь» в исторические дали. Не будем здесь, любезный читатель, становиться на позицию мужской снисходительности. Осторожно, любезный мой, с гендерной позиции мужской снисходительности и свалиться можно. Не только с края сердца. Лучше отдадимся чарам Миясат Муслимовой из Махачкалы. Бросает записки тополь в открытом окне, ворожит магия волн, на крыше так дремотен дождь, так завораживающе мерцает поднебесной ковш. Ты не в вагоне, не в альманахе. Понимаешь это, когда переходишь к чтению стихов Абдулы Сулейманова. Ты в краю философов и поэтов, сердце каждого из которых бьётся, как тысяча сердец. И печальными осенними напевами овеет душу Роза Талхигова. И каждому будет понятно после стихов Фэxrэддина Гэрибсэса, что именно поэты придумали ночь. Именно поэты придумали скучающие без них города, и даже осень. Без них мир вокруг просто всеобщий хаос веществ и пустот, лишённый жизни и гармонии. И поэтому не любит слепое многословье Инга Хаяури. И поэтому так снисходительно печалится Шарип Цурупов: «Летит, спешит куда-то время». Да, время за стихами летит. И вот мы покидаем гостеприимный пятый вагон. В следующем шестом ждут своего читателя поэты Крыма, родного края всей славянской письменности...

В отведённом крымчанам шестом вагоне «Специальный» уютно расположились поэты Валерий Воронин, Николай Ильченко, Валерий Левенко, Анатолий Масалов, Марина Матвеева, Валерий Митрохин, Сергей Овчаренко, Екатерина Сницарь, Виталий Фисенко Татьяна Шорохова. Очерчивается «крымский круг» от стихов Валерия Воронина из федерального города-героя Севастополя. Здесь, у Валерия Воронина, «силуэт босоногой гречанки вдруг явился на выступе камня», «в запотевших витринах кафе» ведут диалоги молчанья и «сгорают небесные свечи в невесомой небесной вате». Не сразу и вообразишь, что этот мир элегических путешествий любви, которой все возрасты покорны, способен таить за своей курортно-туристической экзотикой сюжеты иные сюжеты. Это сюжеты не курортных, а исторических романов, целых сериалов, но такова магия, заманчивой, обворожительной и страстной Таврии. А вот Николай Ильченко с его дальними странствиями и сам бы мог стать героем романа. Но вот какого? История глядит «из каждого угла», согревая и обжигая, у Валерия Левенко. «Я не любил свои стихи», - неожиданно признается Анатолий Масалов. В жажде одиночества и воли его лирическому герою сегодня простая акварель дорожке Эрмитажа. Да. В Крыму история обостряет чувство времени до сегодня, сейчас, сиюминутно и так до мельчайшего мгновения, что меньше секунды. Здесь, именно здесь оживают, встречаются тени поэтов древней Греции аэдов и **фантастических поэтов** новейшего течения **фазтов**. Фазтов представляет Марина Матвеева. Слово за гипнотизирован красотой Крыма лирический герой Валерия Митрохина, но и сам поэт не чужд суггестивной лирики. Впрочем, диапазон дарования патриарха поэтов Тавриды богат, и разнообразна творческая палитра. Наверное, образ поезда с его магическим перебором металлических колёс предопределил выбор для альманаха именно из суггестивной лирики, а не из лирики жёстких поэтических форм, к примеру. «Ночь колдовства» озаглавлен предлагаемый читателям венок сонетов Сергея Овчаренко. Посвящён венок

Максимилиану Волошину, который, как известно, привечал всех поэтов. Думается, эта общая открытость всем поэтическим ветрам вдохновенья символична, её можно было бы эмблемой для поэтов, всей поэзии Крыма, самого Пегаса Тавриды и в наши дни. «Крымские зарисовки» Екатерины Сницарь сменяют жёсткие поэтические формы. Пленэрность тоже можно считать метой, чертой крымского стиля в творчестве как такового. И не только в поэзии, синкретизм природных студий которой рождается в содружестве всех муз. Не забудем при этом и так называемую «десятую музу», музу кино. Еще одна такая чисто крымская чёрточка, диалогичность, живое обаяние крымских встреч. Крымское искусство рождается в общении с природой и во взаимном общении людей, не претендуя на вечность и всеобщность, ценя именно свою сиюминутность, лёгкость, необязательность. Так что «Херсонесские встречи» Василия Фесенко можно считать чисто крымским жанром, а как сказали бы фигуристы, частью обязательной программы крымских искусств, важнейшее из которых искусство письма, алфавита, задуманного и созданного славянами в Херсонесе. На этом эстетическом пике мы и завершим нашу весеннюю встречу с поэтами десятого состава альманаха «Паровозь». Побывали мы и в вагоне-ресторане, и в замыкающем вагоне международном. Будет на то воля литературной истории, будут и новые встречи с тогда уже знакомыми поэтами этого выпуска, будет на то воля литературной истории, будут и другие встречи, с поэтами новыми, неизвестными. Все поэты нового выпуска «Паровоза» интересны, оригинальны, заслуживают обстоятельного разговора. Каждый – явление в современной литературе.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Предыдущий выпуск альманаха состоялся на правах Санкт-Петербургского манифеста российской силлабо-тонической поэзии. Тем всем читателям интересен, мил и дорог тот девятый выпуск. Исторический центр традиционной по форме стихосложения российской поэзии в Санкт-Петербурге. Естественно, что содержательно, конкретикой своей культуры литература своеобразна в каждом отдельном месте своего бытия, своей пространственно-временной протяжённости. Многообразие культурно-исторической конкретики культуры столь же естественно и закономерно, сколь и её единственность. Собственно в многообразии только и возможна единственность. В противном случае она исчерпывает себя и костенеет, теряет жизненную органичность. И это многообразие не только лишь в авангардизме, национальной самобытности, личностной уникальности отдельных представителей культуры и литературы, хотя именно в них она ярче всего проявляется. И в новейшем выпуске, в десятом, обретающем своего читателя весной 2021-го года, здесь, в десятом выпуске «Паровоза» можно увидеть серьёзную и многообещающую заявку на манифест исторического своеобразия литературы юга, прежде всего, поэзии. В этом отношении для альманаха рельефнее, определённое, зримее облик поэзии российского Крыма и народов российского Северного Кавказа. Поэтическое содружество муз начинает свой хор.

Впрочем, манифесты – любимый жанр авангарда. Позволим и мы себе авангардную улыбку Талии в рецензии. Поначалу использовал, ваш покорный слуга, любезные читатели, метафору поезда из ибсеновской драматургии уроженца юга, автора «Чайки», «Трёх сестёр» и «Вишнёвого сада» Антона Павловича Чехова. К ней и вернёмся. Сейчас весна, всё расцветает, расцветёт и вишня, так любимая популярными ныне японцами. И не только в горах расцветёт, где особенно красиво, но и в степях, через которые бегут поезда, в которых и рецензент обитает. «Пришёл поезд, слава богу...» Узнали, любезные читатели? Антон Павлович Чехов. Комедия в четырёх действиях «Вишнёвый сад». Первое действие. Первая реплика. Да, именно этими словами и начинается эпохальная пьеса. Их произносит купец Лопухин, с книгой в руках входящий в одну из комнат имения помещицы Любовь Андреевны Раневской. Скоро, приехав со станции, появится и она. Поезд альманаха, который в руках у рецензента, тоже пришёл. И ничего, что пришёл с «классическим», чеховским запаздыванием. «Пришёл поезд, слава богу». Слава богу, что пришёл. В итоге таких прочтений закономерно напрашивается: «Ах, боже мой, что будет говорить...» Нет, не княгиня Марья Алексевна. Это ведь из другой пьесы, другого века и совсем другого автора отнюдь не финальная реплика. У Антона Павловича Чехова последнее слово комедии в четырёх действиях «Вишнёвый сад» (Самому замыслу эпохальной пьесы, позволим себе напомнить, любезный читатель, нынешней весной 120 лет!): «Эх ты... недотёпа!..» Колоритное последнее словечко «недотёпа» остаётся у служителя Талии, грустного комедиографа Антона Павловича Чехова за неподвижно лежащим на диване, дай-то Бог, не на смертном одре, беднягой Фирсом. За Фирсом последнее словечко-то, а отнюдь, отнюдь, не за Лопухиным, которому ещё учиться и учиться, да учительница уехала. Но кто услышит несчастного и всеми забытого лакея, совсем не претендующего на почёт и блеск последних фраз и слов?